

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. С. Pradhan. *The political system of the Jats of Northern India*. Bombay, 1966, pp. XVI, 275.

Книга Махеш Чандра Прадхана «Политическая система джатов Северной Индии» представляет собой сокращенный и переработанный вариант его докторской диссертации, защищенной в 1961 г. в Лондонском университете.

Предметом своего исследования М. Ч. Прадхан выбрал актуальную, но все еще слабо разработанную в этнографической литературе проблему соседско-родственных (в условиях Индии — общинно-кастовых) отношений. Проблема изучалась на одной из крупных, сравнительно хорошо локализованных групп джатов — джатов округа Мерат, живущих менее чем в 100 км на северо-восток от Дели. Однако в центре внимания автора деревня Шорон — объект его полевых исследований в течение нескольких лет.

В Индии джатов принято считать особой земледельческой кастой. Но, в отличие от многих других каст, каста джатов этнического происхождения. Джаты сохраняют заметные черты прежней этнической общности, осознают свое родство с другими джатами, помнят исторические предания и обнаруживают этническое самосознание. Эти обстоятельства никем не оспаривались, но и не привлекали к себе должного внимания ученых. Между тем исследование подобных каст и общин могло бы пролить свет на многие особенности общественных отношений и социальной организации народов Северной Индии. Речь идет о том, что наряду с другими кастами, такими как раджпуты, гуджары, ахиры, джаты оказали заметное влияние на этногенетические процессы в Северной Индии, на социальную организацию многих народов и даже играли особую роль в политических судьбах этой части страны. Поэтому судьбы самих джатов, их общественная организация и роль в составе земледельческого населения современной Индии вызывают интерес не только ученых, но и деятелей государственных и общественных организаций на местах.

М. Ч. Прадхану удалось показать под широким углом зрения картину внутриобщинных и межобщинных отношений не только самих джатов, но и всего сельского населения этой важной культурно-исторической области Индии.

На экономическом и демографическом фоне 1-й главы автор во 2-й главе дает общую социальную характеристику деревни Шорон. Шорон — крупная деревня. Ко времени обследования в ней насчитывалось 7270 жителей, принадлежавших к 1143 семьям или хозяйствам. Все население распалось на 29 местных групп разных каст, из которых 12 мусульманских, остальные индусы. В числе мусульманских каст была и группа (98 семей) джатов. Крупные кастовые группы представлены в деревне несколькими родственными подразделениями. В 3-й главе детально рассматриваются отношения родства у самих джатов, отношения между родственными подразделениями разных степеней, брачные нормы, счет происхождения, порядок наследования имущества и т. д.

Из этих глав мы узнаем, насколько сложен социальный состав индийской деревни, как сложна организация даже одной кастовой группы (в данном случае джатов) в деревне и, вместе с тем, насколько организованы все эти традиционные отношения.

Несколько джатских семей, включая и большие, образуют *кхандан*, или младшую родственную группу (*minimal lineage*, по выражению М. Ч. Прадхана). Несколько *кханданов* группируются в *бара кхандан*, т. е. большой *кхандан*, или среднюю родственную группу. Наконец, несколько больших *кханданов* составляют *тхок*, или старшую родственную группу (по терминологии автора — *maximal lineage*) джатов в пределах деревни. В организационном отношении — это самая солидная и представительная родственная группа джатов¹. Общественное положение джатов связано именно с принадлежностью к определенному *тхоку*. Основная часть джатов, т. е. джаты, исповедующие индуизм, подразделяется в деревне на четыре *тхока*. В составе джатов-мусульман нет никаких родственных подразделений вообще, кроме семей.

Самой крупной родственной единицей джатов остается род, в условиях кастовой организации именуемый *готра*, как называются экзогамные группы в составе высших каст. Все джаты Шорона принадлежали к одному роду Кашьяп, расселившемуся на обширной территории, частично даже за пределами округа Мерат.

Каждая из родственных групп носит имя своего основателя, каждая имеет свой совет — *панчаят*, одного или нескольких старейшин. Должность главы *панчаята* обычно передается по наследству в одной семье, но для этого требуется особая санкция собрания соответствующей родственной группы.

Параллельно с родственной организацией, а точнее вместе с ней, издавна существовали в деревнях соседские группировки населения, в которых ведущую роль играли доминирующие касты, в данном случае джаты. Так, в Шороне было три *патти*, т. е.

¹ М. Ч. Прадхан предпочитает поэтому бара *кхандан* называть *субтхок*.

три части, «стороны» или «конца», по которым распределялось все население деревни. И в пatti ведущая роль принадлежала джатам, но все же это была межкастовая организация внутри деревни. В совет пatti входили и представители других каст. Чаше это были главы местных кастовых группировок разных каст, включая и низшие. Советы пatti были первой инстанцией, рассматривавшей межкастовые конфликты.

Следующей более крупной соседской организацией была сама деревня, т. е. деревенская община в настоящем значении этого слова. Традиционный деревенский совет (панчаят) представлял собой собрание глав и других старейшин из всех трех пatti, из родственных и кастовых групп. Как родственные, так и соседские советы (советы пatti или деревни) имели определенный круг полномочий, определенные prerogatives. Но все же полномочия традиционных деревенских советов до последнего времени были шире, а авторитет выше, чем полномочия и авторитет официальных сельских советов, так называемых *грам панчаятов* и общинных судов — *адалат панчаятов*, введенных особым правительственным актом (1947). Таким образом, даже в организационном отношении деревня представляет собой сложный комплекс родственных, кастовых и родственно-кастовых, т. е. соседских групп. Однако именно переплетение, взаимодействие родственных и соседских связей и отношений превращает все деревенское население в организацию — в общину.

Но на деревне общинная организация не кончается. Четыре — пять соседних деревень составляли *ганванд*, т. е. объединение, совет которого решал междеревенские споры и даже некоторые внутридеревенские дела в порядке апелляции или арбитража. Однако в последние десятилетия инстанция ганванда в общинной организации играла небольшую роль. Гораздо важнее было следующее по размерам общинное объединение — *тхамба*, в которое могло входить и более 20 деревень. Панчаяты этих объединений выполняли те же функции, что и ганванды, но на значительно большей территории.

Самым существенным, активно функционировавшим общинным объединением в части округа Мерат, населенной джатами, был *кхап*. Кхап — это прежде всего территория расселения основной части того или другого джатского рода в этой части страны. В состав кхапов входит разное число деревень (в данном случае от 12 до 84). Большинство кхапов этого округа джатские, но есть и гуджарский, раджпутский и даже брахманский.

Родовой совет того или другого рода и глава его — вождь рода — играют ведущую роль в кхапе, хотя совет кхапа включает и представителей младших соседских подразделений, т. е. тхамб и отдельных деревень, а также старейшин других каст или кастовые панчаяты в полном составе. Дело в том, что малочисленная группа той или другой профессиональной касты обычно не имеет своего совета в каждой деревне и даже в тхамбе. Вот почему кастовые советы (панчаяты) местных подразделений некоторых каст существуют только на уровне кхапа. Поэтому советы кхапа обычно многолюдны и представительны. Занимаются они только общими делами кхапа, конфликтами между тхамбами (реже столкновениями двух деревень) и межкастовыми конфликтами в границах кхапа. С решением советов кхапа считаются не только традиционные, но и официальные органы сельского самоуправления. Заседания совета кхапа не регулярны и созываются по потребности. Возглавляет совет обычно вождь соответствующего рода с титулом чоудри и секретарь, именуемый вазиром. Должности и чоудри, и в особенности, вазира, наследственны в определенных семьях, но всякое новое лицо на этих должностях как бы утверждается советом кхапа, а при серьезных аргументах может быть и отвергнуто. Родословные некоторых вазиров восходят к отдаленным временам. Протоколы и хроники, составленные вазирами, сохранились даже со времени Делийского султаната.

Кхап Балийян когда-то насчитывал в своем составе 84 деревни и до сих пор называется *чаураси* (восемьдесят четыре), хотя на время исследования в нем оставалось 60 деревень, так как другие либо попали в руки заселивших их завоевателей (в данном случае патанов), либо обезлюдели и исчезли в силу разных причин.

Деятельность кхапов так широка, что М. Ч. Прадхан эту организацию считает не просто общинной, но политической. И, действительно, если принять во внимание, что все 18 джатских кхапов в округе Мерат составляют еще одно, и самое крупное объединение джатов и других каст, а именно, так называемый *сарв-кхап*, то автор имеет основание рассматривать эту организацию как политическую. В 4-й главе он дает историю кхапов и сарв-кхапа, а в главах 5-й и 6-й — политическую структуру и приемы общественной деятельности всей общинной организации на разных ее ступенях. Главы 7-я и 8-я посвящены рассмотрению тенденций к изменению всей системы в новых условиях и заключению.

Исследование М. Ч. Прадхана интересно еще и тем, что он как бы проникает в глубь веков, привлекая в ряде случаев подлинный документальный материал за многие столетия, начиная с образования Делийского султаната (начало XIII в.) до падения Могольской империи (XIX в.). Из этих документов мы узнаем, что описанная выше общинная организация у джатов Мерата, в частности тхоки и кхапы, деревня Шорон и кхап Балийян существовали уже во времени первых делийских султанов. Кхапы объединялись для защиты своих интересов, вступали иногда в вооруженную борьбу

даже с делийскими правителями, с завоевателями вроде Тимура или Ахмед Шаха Дуррани, а иногда предоставляли свои войска в помощь тем же делийским султанам на определенных условиях. Объединенный совет кхапов — сарв-кхап функционировал регулярно вплоть до восстания 1857 г. При англичанах его деятельность заглохла на 100 лет, а с 1950 г. возобновилась. С тех пор (до 1963 г.) было проведено три расширенных заседания сарв-кхапа, на которых присутствовали тысячи людей.

В свое время ополчения джатов насчитывали до 40—60 тысяч воинов и представляли собой серьезную силу как в борьбе против делийских правителей, так и в помощь им. Теперь понятно, откуда идут воинские традиции джатов. И важно, что кхапы джатов чутко реагировали и на политические изменения в стране, и на экономические мероприятия правителей до самого последнего времени. Они успешно боролись, например, против попыток могольских правителей взыскивать с них налог джизие (налог на немусульман) или как-то посягать на их земли.

В этой связи следует заметить, что распространенное среди некоторой части историков представление об инертности, рутинности, безразличии деревенских общин в Индии к политическим переменам и внешним событиям, вообще об эгоизме индийского крестьянина, по-видимому, не соответствуют действительности. Материал, приведенный автором, показывает, что джаты и все население, входившее в кхапы, всегда живо и активно реагировали на внешние события. В кхапах и в отдельных деревнях помнят и чтят своих героев еще времен нашествия Тимура и восстания 1857—1859 гг., начавшегося, кстати, с волнений Мератского гарнизона, также состоявшего в значительной части из джатов.

Автор поднял много других интересных проблем, таких, как характер экономических отношений между кастовыми группами по системе *джаджмани*, семейно-брачных отношений в условиях деревенской экзогамии, но главная его задача состояла в анализе организационной стороны внутриобщинных и межобщинных отношений. В итоге его работа о политической системе джатов Северной Индии дает многое для понимания социальных отношений в североиндийской деревне вообще. Автор показал, как глубоко и прочно коренятся традиции общинной организации даже в относительно высокоразвитой в экономическом и культурном отношении среде джатов. Подобные исследования возможны и на примере раджпутов или гуджаров, и результаты их дадут много аналогий.

Нам кажется, что исследование в этом плане «политической системы» брахманов, бархан, кумхаров, чамаров и других профессиональных каст отдельно едва ли могло бы дать столь же полную картину общинных отношений. Значит, основные земледельческие касты этнического происхождения существенно отличаются в социальном отношении от прочих каст.

Работа М. Ч. Прадхана дает интересный и ценный материал. Ни один историк, особенно изучающий индийское средневековье, ни экономист-аграрник, занимающийся Северной Индией, не может игнорировать исследование М. Ч. Прадхана. Приходится считать с тем фактом, что сложная, многоступенчатая, но строгая общественная организация на этнической и кастовой основе существовала в течение многих столетий у земледельческого населения в самом центре аграрной Индии. Из этого обстоятельства можно сделать много выводов, но один из них, кстати не отмеченный автором, сводится к тому, что при таких отношениях в деревне и при такой социальной организации едва ли остается место для феодализма.

Сравнивая книгу М. Ч. Прадхана с вышедшими раньше монографическими описаниями отдельных индийских деревень в системе общинной организации, мы видим, что это исследование в некотором отношении и шире, и глубже. Так, автору удалось охватить организационную структуру общества в диапазоне от семьи до сарв-кхада, т. е. организации, включающей сотни деревень. А его исторические экскурсы, подкрепленные документальным материалом, свидетельствуют, что джатская община Шорона существует уже много столетий.

М. К. Кудрявцев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

И. Р. Лаврецкий. *Боги в тропиках. Религиозные культы Антильских островов*. Изд-во «Наука», М., 1967, 159 стр.

Культура народов Латинской Америки, все активнее выступающих за последние годы на исторической арене, возбуждает живой интерес у советских людей. И если литература, музыка, вообще искусство латиноамериканцев сравнительно хорошо уже знакомы советскому читателю и зрителю, то религиозные верования и ритуалы этих народов до настоящего времени оставались предметом изучения лишь узкого круга ученых-специалистов. А между тем религиозная идеология играет немаловажную роль